

П.А. ВОДОПЬЯНОВ,
ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ НАН БЕЛАРУСИ,
ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МИНСК),
Ч.С. КИРВЕЛЬ,
ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (ГРОДНО)

КОНЦЕПТ ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМА И РЕАЛЬНЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

Проанализировано содержание постиндустриального общества, раскрыт его сложный и противоречивый характер через наиболее существенные признаки. Показано, что нынешняя концепция постиндустриального общества не является альтернативой индустриально-потребительского отношения к миру, поскольку усугубляет и обостряет явления кризисного характера в экономической, финансовой и духовной сферах жизни современного общества.

The contents of the post-industrial society is given analysis to, its complex and contradictory nature is explicated through its most essential attributes. It is shown that the conception of the post-industrial society in its present version is not an alternative to the industrial-consumer attitude to the world since it intensifies and sharpens the crisis phenomena in economic, financial and spiritual spheres of life of a modern society.

В 1970-х гг. широкую популярность получили экономико-социологические концепции «постиндустриального общества», в которых это общество трактуется в качестве высшей стадии эволюции современной западной цивилизации и которому принадлежит будущее.

В теории постиндустриализма наряду с существующими различиями в воззрениях приверженцев разных школ и направлений при описании данной стадии развития общества выделялся ряд общепризнанных признаков и характеристик. В движении от индустриального к постиндустриальному обществу исследователи усматривали прежде всего переход от рыночных принципов к постэкономическим ценностям и активному социальному регулированию, радикальному изменению прежних методов и форм труда, к максимальному использованию творческого потенциала работников, формированию нового типа семьи и новых форм социального партнерства, повышению роли научного знания и изменению системы образования и т. п. При этом сторонники концепций постиндустриального общества уделяли особое внимание широкому применению информационных технологий, распространению гибких форм мелкосерийного производства, приходящего на смену унифицированному массовому производству и потреблению. Благодаря всеобщему доступу к основному ресурсу постиндустриального общества – знаниям, по мнению ряда исследователей, произойдут существенные изменения в его социальной структуре, будут размываться и исчезнут границы общественных классов, на смену собственности как критерию социальной стратификации общества придет уровень образования и накопления знаний. В отличие от индустриального общества, раздираемого классовыми противоречиями и социальными конфликтами, стадии постиндустриализма, с точки зрения сторонников этих концепций, будет присущ только один основной конфликт – между знанием и эффективностью, с одной стороны, некомпетентностью и неэффективностью – с другой.

Однако, как свидетельствуют факты истории, теории и реальные социальные процессы могут часто в той или степени не соответствовать друг другу. Реальные события всегда развиваются по своему собственному сценарию, не совпадающему (если не брать во внимание отдельные моменты) ни с одним из выдвинутых прогнозов.

Не стали в этом смысле исключением и концепции «постиндустриального общества». Практика последних лет однозначно свидетельствует, что нынешний постиндустриализм отнюдь не выступает в качестве гуманистической альтернативы индустриально-рыночной цивилизации, а ведет к новым, еще более жестким вызовам природе и культуре. Не случайно ряд исследователей в замыслах «постиндустриального» и «информационного общества» и других обществ усматривают некоторую фиктивность и относят их к числу интеллектуальных фантомов. «Что касается “постиндустриального общества”, “сверхиндустриализма”, “постфордизма”, “информационного общества”, “второго индустриального раскола”, “информационной революции”, “экономики знаний”, “сетевого общества”, “новой экономики” и т. п., то это термины либо от философии номинализма, либо от идеологии иллюзий»¹, – пишет С. Губанов.

Сегодня такого рода суждения стали чрезвычайно многочисленными. Даже Д. Белл – один из основоположников и теоретиков постиндустриального общества – отметил, что проблематику, связанную с теорией постиндустриального общества, он считает «пройденным этапом»². Такого рода парадоксальное заключение звучит весьма странно, поскольку еще в 1999 г. Д. Белл в предисловии к русскому изданию книги «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования» неоднократно употреблял понятие «постиндустриальное общество», а уже через несколько лет назвал свою шумевшую концепцию «пройденным этапом».

Тиражируемые ныне различного рода версии относительно постиндустриальной перспективы базируются, с точки зрения ряда исследователей, на упрощенном, по сути, поверхностном понимании природы и характера индустриализации, на искусственном умалении роли индустриального производства в так называемой информационной экономике, или в экономике знаний. Такого рода термины, по мнению некоторых ученых, лишены смысловой нагрузки и потому следует вести речь о переходе ведущих индустриальных стран не к постиндустриальному обществу, а к новой стадии индустриального развития – неоиндустриализации³. Под «неоиндустриализацией» обычно понимается совокупность автоматизированных или технотронных производительных сил, а сама индустриализация не есть одноразовый процесс, завершаемый становлением крупномашинного производства. В реальности практика представила не одну, а две фазы индустриализации: первая привела к электрификации производительных сил общества, а вторая – к возникновению автоматизированных, или технотронных, производительных сил. «Действительно, всеобщая электрификация выступает основой всеобщей автоматизации или компьютеризации производительных сил. Автоматизировать паровые машины и средства производства, т. е. интегрировать их и цифровыми технологиями, было невозможно. Действует принцип последовательности или эволюции средств производства: компьютеризируется или автоматизируется только то, что электрифицировано. Вначале общество добивается электрификации, и лишь затем оно получает возможность автоматизации своих производительных сил»⁴.

Что же касается «постиндустриального общества», «то подобной ступени развития не значится ни в научной теории, ни на практике», – считает С. Губанов⁵.

Известно, что в пользу реалистичности «постиндустриализма» чаще всего приводится аргумент, согласно которому доля сектора услуг стала доминирующей и определяющей характер развития современного общества. В

специальной литературе нет, пожалуй, более часто и механически цитируемого аргумента, чем этот. Он переключается из статьи в статью, из книги в книгу, из учебника в учебник, причем подается как неоспоримый статистически доказанный факт.

Тем не менее сторонники концепции «неоиндустриализма», исходя из скрупулезного анализа производства средств производства и производства предметов потребления, утверждают, что развитие ведущих держав современности движется за счет производства средств производства, а не услуг. Ссылаясь на официальные данные относительно межотраслевых балансов (таблиц «затраты – выпуск»), они убедительно доказывают, что «удельный вес средств производства во всех без исключения странах “большой семерки” превышает 50 %... В США доля средств производства в совокупном общественном продукте составила по итогам 2009 года более 55,8 %, а в Германии – свыше 58 %, в Японии – около 60 %. Все остальное приходится естественно на второе подразделение, на производство предметов конечного потребления»⁶. Сегодня, например, совокупное конечное потребление домохозяйств в США почти на 2/3 обеспечивается не услугами, а материальными товарами.

Все сказанное, конечно, не означает отрицание прогресса в развитии нынешней стадии капитализма. Напротив, реальный прогресс несомненен, но его суть состоит в другом – «в изменении пропорции между занятыми собственно трудом и занятыми обеспечением функции целесообразности труда: разработкой продуктов, материалов, технологий, средств производства с новыми полезными свойствами, оптимизацией форм организации интеграционных связей в производстве, автоматизацией планирования и проектирования работы технологических цепочек, сбыта и снабжения предприятий и корпораций в целом.

Затраты рабочего времени общества на обеспечение целесообразности труда и впрямь становятся больше, чем непосредственные затраты на осуществление самого индустриального труда. В экономике США названная пропорция составляет по приблизительным оценкам 50 на 50. Иными словами, на одного работника, занятого выполнением индустриально-трудовых операций, приходится один работник, занятый обеспечением функции целесообразности труда, т. е. разработкой более прогрессивных и эффективных средств производства»⁷.

Здесь важно подчеркнуть еще одно обстоятельство: творческий труд, в котором исследователи усматривали чуть ли не одну из самых существенных характеристик постиндустриального общества, на сегодняшний день остается уделом немногих, а большинству по-прежнему приходится довольствоваться либо рутинным трудом, либо вынужденным досугом и «расширенным потреблением». Тем самым можно утверждать, что постиндустриальное общество лишено настоящего нравственного фундамента. Современный капитализм существует и функционирует ради прибыли и для частного присвоения прибыли. Рыночные отношения выходят далеко за пределы экономики и активно вторгаются в прежде нерыночные сферы и институты: семью, политику, образование, здравоохранение и т. п., что дало основание некоторым исследователям назвать этот процесс «рыночным вызовом цивилизации» (А. Панарин). Если на заре возникновения постиндустриализма предполагалось, что центральным социальным институтом общества будет университет как источник творчества, то сегодня центром социума зачастую становится банк как «сборщик дани» с любой производительной активности. В самом лучшем случае то, что называли «постиндустриализм», превратилось в новый виток научно-технической революции, продолжение техногенного типа развития на основе более рафинированных технологий. В худшем случае постиндустриализм грозит выродиться в со-

циал-дарвинистские джунгли, где торжествует экономический эгоизм, бездуховная сила, алчность, праздность.

Как следствие этого, надежды и помыслы целого ряда футурологов относительно постиндустриальной перспективы в развитии человечества, похоже, не оправдались. Развернувшиеся на нашей планете трансформационные процессы явились реальным препятствием на пути осуществления данных упований.

В самом деле, как можно считать постиндустриальным обществом такую организацию экономической жизни, при которой индустриальное производство сконцентрировано в одних точках планеты, а печатание денег и потребление – в других. Это просто не что иное, как перенос производства из одной сферы в другую.

На практике постиндустриальное общество в его западной модели обернулось лишь перераспределением мировых ролей: высокоразвитые страны освобождаются от индустриальной функции – перерабатывающей промышленности – и становятся центром мировой финансовой игры и перераспределения ресурсов; индустриальные функции передаются определенному количеству стран «второго эшелона развития», способным обеспечить успешное функционирование перерабатывающей промышленности; остальным странам выпадает роль поставщиков сырья и дешевой рабочей силы. Причем постсоветскому пространству как части мировой периферии, богатой сырьевыми ресурсами и осуществившей в свое время собственными силами индустриализацию*, предстоит в соответствии с данным распределением ролей деиндустриализироваться и превратиться в ресурсного и экологического донора западного центра силы. Такова структура мира, планируемая и выстраиваемая на нынешней фазе развития капиталистического общества. Поэтому в своем нынешнем, буржуазно-либеральном варианте концепция постиндустриализма не представляет никакой реальной альтернативы экологически разрушительному индустриализму, инструментально-потребительскому отношению к миру.

Сказанное подтверждается многими данными. Так, каждый человек в наиболее богатых странах потребляет в 20–30 раз больше природных ресурсов, чем жители всех остальных стран. Коэффициент же индустриального давления с их стороны на природную среду при среднеглобальном, принимаемом за 1, равен 5, в то время как весь остальной мир имеет коэффициент 0,6⁸. Потоки «антропогенной серы, поступающие, например, на Русскую равнину из Западной Европы», в 10 раз превосходят обратные потоки воздушных загрязнений. США, население которых составляет менее 5 % от мирового, потребляют около 40 % мировых ресурсов. Промышленность, транспорт и инфраструктура, которая обслуживает потребности и стратегические интересы этих 5 % населения, «съедают» в течение уже более 30 лет весь кислород, образуемый наземным фотосинтезом растений на территории США и т. п. А если к США добавить другие государства, где достигнуты уровни наиболее высокие потребления, т. е. взять в целом страны так называемого золотого миллиарда населения нашей планеты, то суммарное потребление задействованных сырьевых ресурсов здесь уже будет составлять около 80 %, а выброс в атмосферу углекислого газа будет равен 60 %. В итоге получается, что использование биосферных ресурсов планеты Соединенными Штатами Америки примерно в 4, а Европой – в 2–2,5 раза пре-

* Ни в коей мере не оправдывая огромных человеческих жертв, принесенных на алтарь сталинской индустриализации, все же необходимо сказать, что и капиталистическая индустриализация не обошлась без этих жертв. Она, как известно, сопровождалась многолетними колониальными войнами, в которых уничтожались целые народы и древние культуры, происходило разрушение местного хозяйства, культивировалось рабство, насилие, распространялся голод и т. д. Эти «издержки» экспансии капитализма были никак не меньшими, чем плата за «индустриальный скачок» в СССР.

вышает среднемировой уровень⁹. Примечательно, что США из 72 жизненно важных источников сырья 69 ввозит из слаборазвитых стран. В результате третий мир, в орбиту которого в последние годы стремительно вовлекаются и восточнославянские страны, стал не только объектом экономической эксплуатации и вывоза капитала (в обмен на ввоз некачественных товаров и суррогатов массовой культуры), но и объектом, пока еще не переводимой на язык экономических цифр, новой формы эксплуатации – экологической. Получилось так, что сегодня наша планета оказалась разделенной на две части не только по уровню научно-технического и экономического развития, но и по экологическому признаку – на страны, являющиеся экологическими донорами, интересы которых никак не защищены справедливыми законами и эффективным контролем, и страны-перципиенты, имеющие возможность (безвозмездно и безнаказанно) потреблять чужие экологические ресурсы в размерах, далеко превосходящих воспроизводство этих ресурсов на их национальных территориях.

Сегодня в связи с означенными процессами человечество оказалось в ситуации своего рода экологического антагонизма¹⁰. Богатые страны не желают поступиться своим «образом жизни», а страны третьего мира с их увеличивающимся населением не могут отказаться от развития и экономического роста. «Конкуренция за ограниченные земные ресурсы втягивает богатый Север (Запад) и бедный Юг (Восток) в конфликтные отношения (которые проявляются также в форме культурно-цивилизационных противоречий), побуждая придавать особое значение фактору силы в мировой политике и расходовать все больше средств на вооружение, в том числе и на разработку его новых видов.

Драматизм ситуации состоит в том, что стремление ряда стран мирового сообщества приблизиться к стандартам потребления в западноевропейских странах на нынешней технологической основе могут быстро натолкнуться на абсолютные пределы ресурсов, находящихся в распоряжении человечества. Такие попытки неизбежно обернутся коллапсом, подлинной экологической катастрофой. Например, если бы все страны достигли уровня потребления энергоресурсов на душу населения, такого как в США, то нефть и газ были бы выкачаны из недр Земли за одно десятилетие»¹¹, и потому путь, приведший промышленно развитые страны к процветанию, не может быть всеобщим.

Охвативший все страны мирового сообщества глобальный финансово-экономический кризис выявил новые тенденции развития современного мира, внес существенные поправки в устоявшиеся представления относительно будущего человечества. Наряду с другими кризисными явлениями он существенно ускорил процесс переосмысления теоретических и идеологических основ, на которых до недавнего времени базировались концепции постиндустриального общества по западному образцу. Стало очевидным то, что подспудно вызревало уже на протяжении нескольких десятилетий: «Ведущие капиталистические державы и их партнеры-союзники из числа стран “золотого миллиарда” не являются неоспоримыми лидерами мирового развития. Став эпицентром глобальных финансовых потрясений, они не просто скомпрометировали себя, но и продемонстрировали остальному миру, что чрезмерная зависимость от них как источников финансирования и рынков сбыта чревата большими опасностями для стран, в такой зависимости оказавшихся»¹². В результате, что особо следует подчеркнуть, эффективность присущей евроатлантической цивилизационной модели развития повсеместно стала подвергаться сомнению и критике. Суждений в современной мировой литературе на этот счет великое множество.

Американский экономист Р. Олтман в статье «Геополитическое поражение Запада» пишет о том, что «глобальный финансово-экономический кризис подорвал доверие к экономике Запада, что он уводит мир от однопо-

лярной системы и смещает мировой фокус в сторону от США»¹³. Британский эксперт А. Пабст заключает: «Мир больше не будет тянуться за Западом. «Атлантическая однополярность»... уже не формирует и не направляет глобальную геополитику и геоэкономику»¹⁴. Дж. Ео, министр иностранных дел Сингапура, отмечает: «Развивающиеся страны уже не станут устремлять свои взоры только на Запад как источник вдохновения; они тоже повернутся к Китаю и, может быть, к Индии»¹⁵. А бывший премьер-министр Бельгии Ги Верхофстадт утверждает, что «мы в каком-то смысле возвращаемся к региональным империям и вступаем в новый век...»¹⁶. Итальянский исследователь А. Полити констатирует, что «идеология рыночной экономики (невидимая рука, витальная сила и демократия рынка) подорваны»¹⁷. Д. Белл, анализируя процессы регионализации мира, приходит к выводу о том, что наша эпоха становится «эпохой разобщенности». Он подчеркивает, что, несмотря на усилия некоторых политиков сконструировать однополярный мир, реальные события идут своим чередом. «Именно поэтому, согласно ему, мы наблюдаем сегодня прецеденты региональной интеграции... Регионы – вот те политические, социальные и культурные единицы, из которых будет строиться мир XXI века»¹⁸. Английский исследователь Н. Фергюссон предсказывает: «Если события будут и далее развиваться так, как они развивались в последние несколько десятилетий, двухвековому доминированию Европы, а затем и ее гигантскому североамериканскому отпрыску придет конец. Япония была лишь провозвестником азиатского будущего. Она оказалась слишком мала и слишком интравертна, чтобы изменить мир. Но те, кто идет вслед за ней – и, прежде всего, Китай, – свободны от этих недостатков... Европа была прошлым, США являются настоящим, а Азия, с доминирующим в ней Китаем, станет будущим мировой экономики»¹⁹. Даже небезызвестный З. Бжезинский признает, что «глобальное доминирование атлантических держав подходит к концу»²⁰. Таковы оценки сегодняшней ситуации в мире. Кто бы раньше мог подумать, что Запад прямо на глазах начнет терять статус образца развития для незападных народов и стран? Но это сегодня происходит.

В настоящее время представляется более правомерным вести речь не о постиндустриальном обществе, а о третьей модели капитализма – финансово-олигархическом капитализме, который, начиная с неолиберальных реформ М. Тэтчер и Р. Рейгана, стал утверждаться и к началу глобального финансово-экономического кризиса (2007 г.) окончательно утвердился в евроатлантическом мире. Финансово-олигархическому капитализму предшествовала модель классического капитализма, которая хорошо известна по работам Маркса, и модель капитализма как империализма, которая тоже довольно полно охарактеризована многими авторами, в том числе Лениным²¹. Что касается финансового капитализма – третьей стадии его развития, то он, дав необычайно широкий простор «инстинкту потребления», привел человечество в конечном итоге к глобальному финансово-экономическому кризису. Глобальный финансово-экономический кризис явился прямым следствием, порождением именно финансового капитализма, обнаружившего свой необычайно агрессивно-экспансионистский характер.

Наличие системного антикапитализма в виде Советского Союза вынуждало буржуазию западных стран включать механизм перераспределения общественного продукта в пользу значительной части среднего и рабочего классов, что было явным отклонением от логики развития и природы капитализма как такового. Само существование Советского Союза, осуществившего за короткий срок своими силами индустриализацию, первым покорившего космос, первым построившего мирную атомную электростанцию, атомный ледокол и т. п., заставляло капиталистическую систему в непосредственном ее ядре нарушить классовую логику и в той или иной мере отступать от принципов капитализма и даже рядиться в квазисоциалистиче-

ские одежды. Отсюда триумф средних классов, этого станового хребта западноевропейской демократии. Отсюда и ориентация на становление и развитие «государства всеобщего благоденствия» (welfare state).

С крушением СССР, объективно выступавшего гарантом обеспеченной жизни низших слоев западноевропейского общества, ситуация стала меняться. Капитал начал разворачивать наступление на средний и рабочий классы непосредственно в самом ядре капиталистической системы. «Недаром, — пишет известный историк А. Фурсов, — там уже появилась социологическая теория “20:80”. Согласно ей, в современном западном обществе меняется социальная структура: 20 % — богатые, 80 % — бедные и никакого среднего класса — он размывается, тает вместе с нацией-государством, частной формой которого является welfare state»²². Современная статистика доходов красноречиво свидетельствует: на протяжении последних десятилетий реальная заработная плата рабочих низшей и средней квалификации устойчиво снижалась, тогда как доходы высококвалифицированных работников, индивидуально занятых программистов, дизайнеров, ученых, а особенно управляющих, менеджеров постоянно росли. Например, в США средний заработок промышленного рабочего примерно в 300 (!) раз ниже, чем доходы высших менеджеров крупнейших компаний. В 1980 г. этот разрыв был почти вдвое меньше²³. Вообще, за последние двадцать лет доля зарплаты в добавленной стоимости снизилась в США, например, с 45 до 35 %, в Германии — с 47 до 45 %²⁴. Как видим, капитал, не имея в качестве своего противовеса социалистической системы, приобрел формы классического варианта своего развития.

Кстати сказать, американский социолог Р. Коллинз также говорит о процессе быстрого превращения в современных развитых капиталистических странах части среднего класса в «типичный пролетариат». Он подчеркивает, что ныне в секторе, занятом средним классом, конкуренция стала стремительно нарастать и ужесточаться. «В результате, с одной стороны, значительная часть традиционного среднего класса стала терять работу или вынуждена теперь соглашаться на гораздо худшие условия оплаты труда — ведь процессу аутсорсинга рабочих мест в ту же Индию, где издержки куда менее значительны, американским работникам нечего противопоставить. С другой стороны, та часть среднего класса, которую мы уже привыкли называть “высшим средним классом (upper middle class)”, радикально выиграла от распространения информационных технологий и является сейчас самым последовательным адептом их развития... Оценивая эту ситуацию как социолог и специалист по конфликтологии, я вижу возможность проявления нового масштабного кризиса капитализма. Собственно говоря, в начале XX века, когда противоречия между рабочим классом и буржуазией, накопившиеся в ходе индустриализации, достигли пика, именно появление широкого среднего класса помогло стабилизировать ситуацию»²⁵. Превращение же значительной части среднего класса в обычный пролетариат, согласно ему, неизбежно обернется дестабилизацией капиталистической системы.

Со времени утверждения на мировой арене финансово-олигархического капитализма человечество вступило в новую фазу своего развития — фазу «игрового» (если можно так выразиться) капитализма, втягивающего в крупную спекулятивную игру всю мировую экономику. Наиболее рельефным проявлением этого стало возникновение не имеющих аналогов в прошлом финансово-экономических «игровых» технологий, способных подрывать национальный суверенитет многих народов. «Игровые» технологии изначально оказались ориентированы на дематериализацию богатства, придание ему знаковой формы для последующего включения в систему мирового информационно-электронного обмена, что на деле сплошь и рядом оборачивается откатом в развитых странах от продуктивной экономики и утверждением новой формы ростовщичества — господства «электронных денег» и

власти виртуальной экономики, связанной с фиктивным капиталом, банка – над предприятием, а международной финансовой олигархии – над национальными экономиками, т. е., по сути дела, новой формой паразитизма и глобального хищничества.

Однако «игровая» капиталистическая экономическая система – это система апокалиптически-катастрофическая. Она вскружила голову транснациональной олигархии («головокружение от успехов»), которая в своей игре, не задумываясь, рискует всей мировой историей. Так долго продолжаться не может. Поэтому, как считают многие исследователи, скоро экономизму придет конец по той причине, что эта модель нежизнеспособна ни социально, ни экологически.

Прав А.С. Панарин, когда утверждает, что постиндустриальное общество не может возникнуть как результат простого углубления индустриальной эпохи, а будет представлять собой развитие по закону «отрицания отрицания», ознаменуется парадоксом «возвращения» к некоторым «исконным», традиционным принципам человеческого существования, явится результатом тотального преобразования ценностного типа, включая новые принципы жизнеустройства, открывающие долговременную перспективу для всех, а не для одних только потребительских обществ Запада; что механизм постиндустриального сдвига лежит не в сфере технологий, а в сфере человеческого духа, в системе ценностей²⁶.

Не следует также возлагать большие надежды в развитии общества на его информатизацию, поскольку благосостояние людей зависит прежде всего от материального производства. Причем основным ресурсом экономики, определяющим это самое благосостояние общества, выступает не информация, а энергия – это неоспоримо не только для индустриального, но и любого другого общества. Например, благосостояние США основывается на максимальном потреблении энергии, прежде всего нефти – 3 т на каждого человека в год²⁷. Информация и знания действенны только при наличии энергии, а ее получение с помощью информационных технологий пока не достижимо. К тому же мы никуда не ушли от экономического неравенства, ни от разделения мира на «Север» и «Юг», ни от повышения цен на продукты питания и их возрастающего дефицита в современном мире. На нашей планете сохраняется прежняя экономика и прежние социальные проблемы.

Кроме того, сам по себе рост объема информации не существен, а главную роль для развития общества играет лишь ценность информации, увеличение которой далеко не бесспорно. Скорее растет количество бессмысленной информации, производимой на псевдоинтеллектуальных конвейерах, что приводит к существенным негативным трансформациям духовного мира человека («поколения пепси» и тому подобные термины обозначают эту ситуацию).

Правомерно ли сегодня любые модели развития общества, взращенные на экономическом эгоизме и фундаментализме, рассматривать в качестве магистрального пути развития человечества? Вряд ли. Сегодня даже без особой исследовательской интуиции становится очевидным, что евроатлантическая цивилизация, основанная на идеологии неограниченного прогресса и потребительской психологии, и сама вступила в кризисное состояние и всему человечеству навязывает бесперспективный, тупиковый путь развития. Мало того, что нынешний финансово-олигархический капитализм запутался в своих внутренних противоречиях, обернувшись глобальным финансово-экономическим кризисом, но он еще, помимо всего прочего, оказался принципиально несовместим с экологическим императивом. Человечество достигло той точки в своем развитии, когда дальше невозможно совмещать экологическую безопасность и предпринимательскую рыночную экономику. А это означает, что мы стоим на пороге эпохи смены парадигм развития.

Становится очевидным, что сугубо потребительский вектор социально-экономического развития оказался неадекватным природным закономерностям и привел к глобальному экологическому кризису. Похоже, уже пришло время, когда нельзя даже игнорировать факт моральной усталости технократической модели развития, которая, хотя и обеспечила в свое время мощный рывок Запада, сегодня ведет весь мир к тотальной экологической катастрофе. Поэтому, как бы ни было тяжело расставаться с привычными взглядами, мы должны согласиться с современной глобалистикой, показывающей на цифрах и фактах, что продолжение сложившихся тенденций развития современной техногенной цивилизации уже в недалеком будущем – возможно, при жизни родившегося поколения – будет непременно пресечено. К тому же теперь стало ясно, что проблемы, порожденные развитием техники, принципиально нельзя решить с помощью самой же техники, пусть даже еще более совершенной, что новая эффективная техника очистных сооружений, энергосберегающих технологий и других достижений научно-технического разума не поможет избежать экологического коллапса, что при любых сценариях технического развития планета не выдержит техногенной перегрузки, ибо глубинные корни экологического кризиса лежат в вытеснении техническим, искусственным естественного, натурального, в выхолащивании души и тела человека, в превращении его в некое подобие робото-компьютерного устройства. Все дело в том, что технический прогресс воспроизводит на Земле процессы, к которым эволюционно не приспособлены ни окружающая природа, ни сам человек. Ведь в естественных условиях на Земле нет источников атомной энергии, термоядерных реакций, нет природных квантовых генераторов, не происходит в короткий промежуток времени массового образования материалов с новыми химическими свойствами, макротела не передвигаются со сверхзвуковой скоростью, не взлетают в космос многотонные массы и т. д. Все эти процессы являются инородными в макром мире Земли, нарушают эволюционно установившееся природное равновесие, создают эколого-кризисные состояния. Поэтому ставка на либеральную программу всемирной вестернизации на деле представляет собой губительную планетарную авантюру. Такая ставка превращает нас в людей, похожих на пассажиров «Титаника», абсолютно уверовавших в безопасность своего путешествия на этом чуде техники и поэтому суеет продолжающих выяснять отношения друг с другом, добиваться переселения из одной каюты в другую, хитрить и обманывать.

Иную точку зрения на обсуждаемые проблемы излагает Н.А. Косолапов, который подчеркивает, что: «Техносфера тяготеет к формированию концентрических кругов ее обеспечения. Такие круги образуют: 1) собственно техносфера как совокупность наиболее развитых («постиндустриальных») государств, находящихся друг с другом в определенных структурных отношениях; 2) страны – реальные претенденты на скорое вхождение в техносферу по достигнутому уровню развития или по исполняемым для техносферы жизненно важным функциям; 3) страны, необходимые техносфере как источники энергоресурсов и сырья и/или как наиболее емкие рынки и замещаемые другими странами в этих качествах; 4) замещаемые страны, функции которых по отношению к техносфере могут выполнять (вместе или по отдельности) другие страны и/или территории на тех же для техносферы экономических и иных условиях и с теми же практическими результатами; 5) страны, безразличные для существования и жизнедеятельности техносферы (ныне или вообще); 6) страны, ныне или в перспективе враждебные к техносфере и/или входящим в нее государствам и подкрепляющие эту враждебность действиями и/или наличием потенциала нанесения ущерба»²⁸.

Альтернативы такому пути развития, в частности такому структурированию мира, Н.А. Косолапов не видит, поскольку он считает данную ситуацию объективной, формирующейся стихийно-спонтанно, естественно. При этом

он подчеркивает, что ни сейчас, ни в обозримом будущем не появится каких-либо предпосылок для того, чтобы взять под контроль, научиться сознательно управлять развитием и развертыванием техносферы, служащей материальной основой процессов глобализации. Здесь, с его точки зрения, долговременные и объективные последствия не могут и не будут измеряться в категориях сознательно поставленных целей.

Отдавая себе отчет в том, что неконтролируемое расширение техносферы «все более и необратимо разрушает естественную экологию Земли, истощает исторически наиболее доступные человеку ресурсы»²⁹, автор пытается наметить пути выхода из этой противоречивой ситуации. Он полагает, что процессы развертывания техносферы (соответственно и глобализации) объективно «вплотную подводят человека к неизбежности необратимой смены среды обитания и жизнедеятельности с естественной на искусственную»³⁰. Сложившиеся тенденции развития, подчеркивает далее автор, оставляют человеку в обозримой перспективе две генеральные «стратегии хозяйственного поведения», не требующие безусловного отказа от капиталистической общественной модели: массивное освоение Мирового океана и/или массивный же хозяйственный выход в космос (причем, по-видимому, первое должно предшествовать второму; но то и другое невозможно без создания искусственной среды обитания и жизнедеятельности человека). Часто же упоминаемая, начиная с 1980-х гг., третья стратегия – стратегия «устойчивого развития» – нереализуема в рамках неолиберализма и объективно требует перехода к своего рода «посткапитализму»³¹. Излагая такого рода варианты развития, автор игнорирует необходимость рассмотрения возможности перехода человечества к эпохе «посткапитализма».

Подобного рода фаталистический взгляд на дальнейшую перспективу развития человечества нельзя признать обоснованным, поскольку полная смена среды обитания и жизнедеятельности человека с естественной на искусственную неизбежно приведет к гибели человечества. Даже если когда-либо и наступит мир, в котором появятся полулюди и полумшины, своего рода биотехнические кентавры, некие киборги, то такой мир долго существовать явно не сможет. Разговоры же о массивном хозяйственном выходе в космос – это лишь свидетельство абсолютной невменяемости современного технико-инструментального разума*. Мы убеждены, что планета Земля будет до скончания времен оставаться нашим единственным домом, и судьба человечества полностью зависит от перспектив его сохранения. Что же касается массивного освоения Мирового океана, то без отказа от сложившейся модели социокультурного развития человечество и здесь не сможет обеспечить себе длительной исторической перспективы существования.

Выдвигая новые аргументы о будущем человечества, Н.А. Косолапов пишет: «По-видимому, разрешение экологических проблем мира XXI века надо искать не на путях возврата – к чему? К социально-природным отношениям XIX, XV или какого-то иного столетия? По каким критериям? к некоей модели “идеальных” отношений между человеком и природой, реально ни-

* Идея перехода к сверхмощной цивилизации, способной к массивному хозяйственному освоению космоса, в принципе не реальна, ибо она никак не согласуется с экологическими возможностями нашей планеты. Задолго до того, как будет создана пока еще не имеющая аналогов в современном мире грандиозная космическая техника – сложнейшая система взаимосвязей и взаимодействий огромного количества всевозможных машин, аппаратов, приборов, технологических линий и т. д., – жизнь на Земле неминуемо будет пресечена. Все дело в том, что создание данного уровня техники потребует затрат энергии, ресурсов, материалов, кислорода и т. п. в таком количестве, которое наша маленькая планета попросту не сможет выдерживать. Экологический коллапс в этом случае неизбежен. На ограничения такого рода в научной литературе указывалось уже неоднократно.

когда не существовавших. Перемены в этих отношениях уже необратимы. И выход надо искать в дальнейшем осознанном, целенаправленном и управляемом движении от сохраняющихся остатков «естественности» к созданию целиком и полностью искусственной среды обитания человека. Только в ней станет возможно достижение устойчивого развития как постоянства развития духа – психики, опыта, знаний, культуры – в высокостабилизированной, защищенной от кризисов материальной среде»³². В этом высказывании, как представляется, благие намерения доминируют над рационально научными соображениями. Ничего не поделаешь, некоторые современные люди верят в прогресс столь фанатично, как их далекие предки верили в Бога. Интересно, а почему бы не подумать автору о том, что воспеваемый им кардинальный скачок в развитии техносферы лежит за пределами не только собственно социальной истории, но и истории человека как биологического вида. Правомерно ставит вопрос И.В. Ефимчик: «Как бы критично (и вполне заслуженно) ни относились к социальной организации аграрных цивилизаций современные либералы, безусловно одно – такая организация позволяла людям жить (но при гораздо меньшей плотности населения). Даст ли такую возможность человеку та новая техническая организация разумного бытия, поиск которой активно ведется по всем направлениям (техническим, социальным, естественно-научным)?»³³.

Понять правительства тех стран, в которых наиболее всеобъемлюще утвердилась техносфера в их устремлениях превратить остальную, населенную более чем пятью миллиардами человек часть нашей планеты в почву, удобрения, «этнографический материал» для сохранения сложившегося образа жизни и достигнутых стандартов потребления исключительно только в этих странах, конечно, можно. Однако оправдать эти устремления, особенно имея в виду возможное катастрофическое состояние будущего всего человечества, не представляется возможным. Спорить не приходится, подобного рода поведение идеологов и лидеров стран «золотого миллиарда» в немалой степени объективно обусловлено постоянно разрастающейся техносферой, вне рамок которой население этих стран, в отличие от других государств, где еще сохранились элементы органической жизни, существовать, похоже, уже не может. Резкий возврат к доиндустриальной модели существования для них уже нереалистичен, в принципе невозможен. В случае обвального крушения, неожиданной катастрофы или серии тотально разрушительных катастроф техносферы индустриально (постиндустриально) развитые страны не будут иметь реальной возможности вернуться к доиндустриальному образу жизни, не рискуя при этом физическим вымиранием огромных масс людей. Но и не прекращающиеся попытки правительств данных стран (точнее было бы сказать, «олигархического интернационала») навязать миру вопиюще несправедливую, насильственно-иерархическую геоэкономическую и геополитическую структуру еще в большей степени нереалистичны и неосуществимы. В этом как раз и заключается трагическое противоречие современного мира, причина нового, воистину всепланетарного противостояния всего того, что есть Запад и не-Запад. Удастся ли Западу овладеть не-Западом – это отдельная тема. Здесь же мы хотим подчеркнуть, что человечеству, чтобы избежать резкой тотальной катастрофы техносферы, способной отнюдь не в последнюю очередь истребить население самых богатых и преуспевающих ныне на почве глобальной конкуренции стран, необходимо приступить к разумной, по возможности постоянной перестройке, а где необходимо – и к демонтажу сложившегося образа жизни и наиболее опасных достижений так называемого прогресса, т. е. перейти к экологически безопасному социально-экономическому развитию. Такой сценарий вполне реалистичен и возможен на основе утверждения новых

мировоззренческих ориентаций. Для достижения этой цели лидерам технологических стран следовало бы отказаться от тупиковой стратегии, направленной на сохранение любой ценой, даже ценой принесения в жертву всех других народов планеты, существующего положения вещей, все еще позволяющего населению их стран осуществлять потребительский образ жизни. Им следовало бы подумать о кардинальной смене нынешней парадигмы развития (это, несомненно, рано или поздно само собой произойдет) и поразмыслить о достижении такой ситуации, которая открыла бы возможность утверждения на нашем маленьком земном шаре господства «планетарного разума», а не «планетарного тоталитаризма», способного превратить этот шар в кладбище человечества. Тем более, что бесспорно возросшие в наше время значение и роль субъективного фактора истории, кажется, позволяют приступить к решению этой фундаментальной важности задачи.

Но, к сожалению, ничего подобного не происходит. История, похоже, ничему не учит. Сегодня, как и в эпоху первоначального накопления капитала, человеческая алчность, эгоизм, «вирус потребительства», недалекость, т. е. неспособность предвидеть конечные результаты преобразующей деятельности, лежащие за пределами устремлений к выгоде лишь «здесь и теперь», неизбежно берут верх над всем остальным. Идеалы гуманизма и человечности все время оказываются на периферии устремлений тех групп и лиц, от которых хоть что-то зависит в судьбе нашей цивилизации. Поэтому, повторяем, ничего не остается, как предположить, что человечеству, прежде чем оно образумится, предстоит пройти суровую «школу» глобальных катастроф и катаклизмов. Симптомов и предпосылок к такому повороту событий обнаруживается сегодня немало.

Все сказанное означает, что сегодня, для того чтобы выжить, человечеству необходимо реабилитировать другие стратегии, связанные с преодолением технокентрической модели развития и возрождением этикоцентричных традиций мировой культуры, среди которых свое законное место занимает и наша, восточнославянская, православная традиция. Речь, собственно, идет об утверждении эпохи постэкономизма, которая будет означать смену приоритетов земной цивилизации в целом, переориентировку усилий человечества с инструментальной деятельности, направленной на удовлетворение растущих потребительских вожделений, со всепожирающего молоха экономизма и техноутилитаризма на деятельность, связанную с сохранением пригодной для обитания окружающей среды. В хозяйственном плане эта эпоха, как нам представляется, будет характеризоваться переходом от технически деструктивных к биологически конструктивным технологиям.

Дальнейший прогресс человечества предполагает преодоление сугубо экспансионистской предпринимательской экономики, ориентированной на получение максимальной прибыли и расширенного потребления. Представляется обоснованным утверждение, что грядущий формационный «скачок» в развитии человечества явится в первую очередь результатом новой мировоззренческой, ценностной революции, равной по значению и масштабам, но принципиально отличной по своему содержанию от той, которая произошла в эпоху Возрождения. Задача этой революции – утвердить новые ценности, новую мировоззренческую систему координат, которая призвана обеспечить стратегию выживания человечества. Эта революция должна осуществить пересмотр идеалов, ориентированных на силовое преобразование окружающего мира, на безудержный технологический активизм, и выработать нравственные «противовесы» и «ограничители» «хищнически-механическим» (П. Флоренский) устремлениям современной техногенной цивилизации, выдвинуть и обосновать новые общезначимые ценности, новое понимание перспектив человечества.

- ¹ Губанов С. Неоиндустриализм плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. 2008. № 9. С. 3.
- ² Белл Д., Иноземцев В. Эпоха разобщенности. М., 2007.
- ³ См.: Губанов С. Неоиндустриализм плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. 2008. № 9. С. 3; Амосов А. К дискуссии о новой индустриализации // Там же. 2009. № 6; Черковец В. Инновационное воспроизводство как антикризисный ресурс // Там же.
- ⁴ Губанов С. Неоиндустриализм плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. 2008. № 9. С. 17.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же. С. 12.
- ⁷ Там же. С. 14.
- ⁸ См.: Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Время великого размежевания: от техногенно-потребительской – к духовно-экологической цивилизации // Вести Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 1999. № 6. С. 8.
- ⁹ См.: Wackernagel M. et al. Tracking the ecological overshoot of the human economy // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2002. July 9. Vol. 99. № 14. P. 926.
- ¹⁰ См.: Вебер А.Б. Глобальное потепление и устойчивое развитие // Свободная мысль. 2006. № 5. С. 14.
- ¹¹ Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М., 1998. С. 286.
- ¹² Краснояров В.Н. Глобальный кризис и изменение расстановки сил на мирохозяйственной арене // Рос. экон. журн. 2010. № 4. С. 53.
- ¹³ Олتمان Р. Великий крах – 2008: геополитическое поражение Запада // Россия в глобальной политике. 2009. Т. 7. № 1.
- ¹⁴ Пабст А. Берлинская доктрина: от атлантической однополярности к панъевразийскому сообществу безопасности // Там же. С. 90.
- ¹⁵ Ео Дж. Эпоха великой переоценки // Там же. С. 29.
- ¹⁶ Верхофстадт Ги. Три выхода для Европы: на пороге «нового века империй» // Там же. С. 26–27.
- ¹⁷ Полити А. После «бушеномики». От бездержавной многополярности к текучим балансам // Там же. С. 68.
- ¹⁸ Белл Д. Эпоха разобщенности // Свободная мысль. XXI. 2006. № 6. С. 6.
- ¹⁹ Фергюссон Н. Мир без гегемона // Там же. 2005. № 1.
- ²⁰ International Herald Tribune. 2008. Dec. 17. P. 17.
- ²¹ См.: Гуманного капитализма быть не может // Полит. журн. 2008. № 12.
- ²² Фурсов А. Накануне «бури тысячелетия» // Москва. 2007. № 1. С. 67.
- ²³ См.: Пржевальская О.Н. Противоречия глобализации и интересы России // Власть. 2003. № 3. С. 51.
- ²⁴ См.: Greider W. One World, Ready or Not: the Manic Logic of Global Capitalism. New York, 1998. P. 75.
- ²⁵ На новые вызовы найдутся новые ответы. И так без конца... (Интервью В. Иноземцева с профессором Р. Коллинзом) // Свободная мысль. 2010. № 11. С. 14.
- ²⁶ См.: Панарин А.С. Реванш истории: Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 1998. С. 224.
- ²⁷ См.: Мясникова Л.А. Экономика постмодерна и отношения собственности // Вопр. философии. 2002. № 7. С. 7.
- ²⁸ Косолапов Н.А. Международно-политическая организация глобализирующегося мира: модели на среднесрочную перспективу // Общ. наука и современность. 2001. № 6. С. 151.
- ²⁹ Там же. С. 152.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² Косолапов Н.А. По поводу прослушанного доклада «История и психология антропогенных кризисов: гипотеза техногуманитарного баланса» // Материалы постоянно действующего семинара Клуба ученых «Глобальный мир». М., 2003. Вып. 6 (29). С. 68.
- ³³ Ефимчик И.В. Социальная организация – прошлое без будущего? (наивные вопросы дилетанта) // Общ. науки и современность. 2005. № 3. С. 152.

Поступила в редакцию 03.01.11.